

Необходимо исследовать и роль латинского языка в образовании романских языков. Н. Я. Марр своими «взрывами» при скрещивании языков совершенно спутал картину возникновения романских языков. Между тем романские языки, можно сказать, постепенно зарождались в недрах латинского языка; их зародыши можно проследить уже на начальных стадиях развития латинского языка, а впоследствии народно-латинский язык на местах в разной мере впитал в себя местные языки и диалекты и сделался основой романских языков.

Проблема скрещивания языков снова поднимает давнишний вопрос о греко-италийском родстве, а также вновь ставит проблему о более позднем взаимном влиянии классических языков, и прежде всего вопрос о грецизмах в латинском языке, как в области лексики, так и в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Следует более глубоко изучить ту социально-экономическую почву и вообще те каналы, по которым шло проникновение греческих слов и конструкций в латинский язык, начиная с древнейших заимствований на почве экономического и культурного сближения с Великой Грецией (ср. архаическую латинизацию греческого слова *τάλαντον* в слово *talentum*, или название города *Τάραντον* в *Tarentum*) и кончая литературными переносами вплоть до историка Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.), по происхождению грека, латинский язык которого изобилует грецизмами. Далеко недостаточно изучена и проблема обратного влияния латинского языка на греческий после завоевания Греции, когда греческие историки и публицисты начинают приспосабливать свои концепции к запросам римской аристократии.

Гениальные работы И. В. Сталина в области языкознания ставят перед специалистами в области классических языков ряд вопросов и проблем, которыми должны интересоваться и историки античного мира.

Проф. Н. Ф. Дератани

К ВОПРОСУ О СКИФАХ-ПАХАРЯХ

В одной из своих последних работ «Этногеография Скифии» М. И. Артамонов высказал предположение о том, что Среднеднепровская курганная группа (Киевщина) принадлежит не скифам-пахарям, как это допускалось до сих пор, а другим, не скифским племенам, и что скифы-пахари заселяли Западную Подолию. М. И. Артамонов пишет: «О среднеднепровских курганах, как принадлежащих скифам-пахарям, можно было говорить лишь до тех пор, пока оставались неизвестными подольские курганы; неясно было их своеобразие сравнительно с среднеднепровскими. Можно было думать, что область скифов-пахарей, начинаясь там, где она указана у Геродота, а именно на Буге, простиралась затем на северо-восток в среднее Поднепровье. В настоящее время, когда мы знаем днепровские курганы и видим, что по своему типу они существенным образом отличаются от среднеднепровских, такое расширение области скифов-пахарей решительно невозможно. Геродотовские пахари ничего общего с среднеднепровским населением скифского времени не имеют, и, поскольку в номенклатуре Геродота не остается ни одного скифского племени, нами до сих пор не локализованного и не связанного с определенным типом памятников, среднеднепровское население приходится считать не скифским»¹. Напомним и указание Геродота о скифах-пахарях. «Выше алазонов, — говорит Геродот, — живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу»² и далее: «Эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена...»³.

¹ М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, Уч. зап. ЛГУ, вып. 13 (1949), стр. 156.

² В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1947, № 2, стр. 262—261 (§ 17).

³ Там же, стр. 262 (§ 18)

Из приведенных цитат ясно видно, что мы имеем две противоположные друг другу точки зрения относительно локализации скифов-пахарей. По мнению М. И. Артамонова, скифы-пахари занимали территорию по берегам Среднего Днестра, в Западной Подолии, и наоборот — согласно Геродоту, они занимали территорию к западу от Днепра и по берегам Южного Буга. Как известно, пересмотр карты геродотовой Скифии по этому вопросу, произведенный М. И. Артамоновым, был вызван публикацией польского археолога Т. Сулимирского о Западноподольской курганной группе¹. В связи с тем, что М. И. Артамонов в его указанной только что работе не рассматривал курганной группы, опубликованной Сулимирским, а ограничился только ссылкой на нее, мы считаем своей обязанностью, прежде чем ответить на поставленный вопрос, проделать эту работу. Это тем более необходимо, что действительно Западноподольская группа имеет определенное своеобразие, отличающее ее от Среднеднепровской курганной группы, и это, казалось бы, дает право относить первую к скифам-пахарям. Однако наличие внешних признаков далеко еще недостаточно для того, чтобы подвергнуть коренному пересмотру карту геродотовой Скифии. Более глубокий анализ памятников Западноподольской группы и сравнение ее с Среднеднепровской убеждает нас в том, что при решении этого вопроса недостаточно руководствоваться внешним своеобразием той или иной группы и что необходимо прежде всего подвергнуть анализу те данные, которые помогли бы нам выявить специфическую особенность скифов-пахарей как племени, производивших хлеб на продажу, т. е. выявить следы торговых связей с греческим миром, являвшимся основным покупателем хлеба. Именно с этой стороны Геродот отличает скифов-пахарей от других скифских и нескифских племен. Это обязывает нас раньше всего рассмотреть Западноподольскую группу в том виде, как она представляется по Сулимирскому, с одновременным сопоставлением ее с памятниками группы Киевской. Географически Западноподольская группа скифских курганов расположена довольно компактно в Каменец-Подольской области, главным образом по левому берегу Днестра и его притокам (Стрып, Серет, Збруч и др.). Отдельные курганы и случайные находки скифского происхождения были обнаружены также в верховьях рек Горыни и Стари — притоках Припяти и далее в сторону Волыни, затем на р. Пруте и Серете — притоках Дуная, к югу от основной группы.

По общему скифскому обычаю курганные могильники с типично скифским инвентарем располагаются на высоких местах небольшими группами в 3—4 кургана и, по мнению Сулимирского, никогда не составляют одной общей группы с курганами предшествующей эпохи. Это последнее обстоятельство, как видно, отличает Западноподольскую группу от Среднеднепровской (Тясминская, Журовская и др.), могильники которой состоят из нескольких десятков и даже сотен курганов, перемежающихся очень часто с курганами доскифского времени.

Второй особенностью этой группы является устройство курганов и погребальных сооружений. Сулимирский, а вслед за ним и М. И. Артамонов отличают два основных типа курганов и, соответственно, погребальных сооружений. К первому типу относятся курганы высотой до 2 м, редко выше, содержащие каменные круги (кромлехи) под насыпью, сложенные из плит или рваных известняковых камней. В центре такого круга на древнем горизонте устраивалась погребальная площадка (SSZP, стр. 56, рис. 11) или неглубокая могильная яма (SSZP, стр. 60, рис. 12), обложенная в свою очередь также камнем. В курганах с такой могильной ямой встречаются иногда два каменных круга, из которых второй, менее массивный, расположен в основании кургана. Часто можно встретить также насыпи с большим количеством камней, перемешанных с землей. Иногда в могильной яме значительной глубины по углам устраивались небольшие круглые ямки, облицованные, как и основная яма, каменными плитками (SSZP, стр. 75, рис. 15). Наконец, встречаются большие могильные ямы круглой формы до 8 м диаметром, стенки которых облицованы камнем (SSZP, ст. 77, рис. 16).

¹ T. S u l i m i r s k i, Scytowie na Zachodniem Podolu, Lwow, 1936 (цитирую как SSZP.— П. Л.).

В курганах этого типа встречаются также каменные ящики, состоящие из толстого слоя уложенных в ряд камней, окружающих погребальное помещение (SSZP, стр. 81, рис. 19). Курганы этого типа содержат погребения с труположением и трупосожжением. Второй тип курганов имеет высоту до 1 м с погребениями на уровне горизонта или в неглубоких могильных ямках. В первом случае погребения совершались с трупосожжением, остатки которого лежали под кучей камня (SSZP, стр. 83, рис. 20) или устраивалось возвышение из правильно уложенного камня для сожжения покойника (SSZP, стр. 85, рис. 21). Во втором случае могильные ямки засыпались камнем или камень укладывался по краям могилы, и тогда применялся деревянный настил над частью могилы (SSZP, стр. 87 и 89, рис. 22—23). В таких могильных ямах, как и в первом типе курганов, встречаются также круглые ямки, расположенные по углам (SSZP, стр. 56 и стр. 75, рис. 15) или на одной из сторон — северной или южной (SSZP, стр. 65, рис. 14), или за пределами ямы (SSZP, стр. 49, рис. 8). Таким образом, более высоким курганам соответствуют более сложные погребальные сооружения. Однако в обоих типах курганов наблюдаются общие признаки, указывающие на их родственную близость.

Сравнивая устройство курганов Западной Подолии с курганами других групп, в частности Среднеднепровской и Нижнеднепровской, мы должны отметить, что курганы Западной Подолии по высоте значительно ниже Среднеднепровских и тем более курганов Нижнего Днепра.

Отмеченные каменные погребальные сооружения курганов Западной Подолии отсутствуют или почти отсутствуют в Среднем Поднпровье в так называемой Тясьминской, Журовской и Каневской группах Киевщины. Здесь среди огромного количества исследованных курганов только однажды отмечен курган с каменной крепидой¹. Наоборот, в Нижнем Поднпровье каменные сооружения: крепиды, кромлехи, каменные ящики, каменные закладки, встречаются нередко. Однако они отличаются от каменных сооружений Западной Подолии. Именно в этом последнем районе, по заключению Сулимирского, каменные сооружения являются характерной особенностью, но к западу от Западной Подолии, в восточной части Польши, и к востоку от нее — на Буге и в Киевщине — они отсутствуют или являются большой редкостью. Следовательно, в отношении характера погребальных сооружений Западноподольская группа курганов представляется своеобразной и самостоятельной группой среди скифских памятников.

Важную особенность представляет погребальный обряд с труположением и трупосожжением. Среди погребений с труположением часто встречаются погребения скорченные (SSZP, стр. 81, рис. 19 и стр. 94, рис. 24). Обряд трупосожжения появляется еще в доскифское время, а в скифское время приобретает более широкое распространение. Однако необходимо отметить, что развитие форм этого обряда проходит в том же направлении, что и в Среднеднепровской курганной группе². Сулимирский не заметил, что в раннескифское время здесь и там погребение остатков сожженных остовов и инвентаря производилось на месте сожжения (Братишовская группа), изредка сожженные кости укладывались в урну и погребались в стороне от места сожжения или складывались в кучку в центре могилы. Позднее этот обычай усилился с тем, чтобы принять форму «полей погребений» в послескифское время³. При погребениях встречаются остатки заупокойной пищи в виде костей животных. Погребения целых лошадей здесь совершенно отсутствуют, хотя нередко встречаются остатки сбруи, особенно бронзовых удил стремяновидной и обычной формы⁴. Известно, что погребения целых лошадиных остовов, сопровождавших своего умершего хозяина, а тем более

¹ И. И. Фундуклей, Обзорные могил, валов и городищ Киевской губ., Киев, 1848.

² П. Д. Либеров, К вопросу о связи «полей погребений» с погребениями скифского времени на Киевщине, КСИИМК, XXXIV (1950).

³ SSZP, стр. 85, рис. 21; стр. 83, рис. 20; стр. 75, 77, рис. 15, 17.

⁴ SSZP, табл. XI, VIII, IX, 11.

удил, символизирующих погребения лошадей, имели весьма широкое распространение как в Среднем, так и в Нижнем Поднепровье.

В Западной Подолии наблюдается обычай класть вместе с умершим разнообразный бытовой инвентарь, часто оружие и украшения, но в меньшей степени, чем в Среднем и Нижнем Поднепровье. Таким образом, Западноподольская группа скифских курганов имеет свои специфические особенности, отличающие ее от Поднепровья, и вместе с тем сходство в погребальном обряде, сближающее их.

Наконец, заслуживает особого внимания вопрос о погребальном инвентаре. Если можно было говорить о более или менее серьезных различиях, отличающих Западноподольскую группу от Среднеднепровской группы в погребальных сооружениях и частью погребальном обряде, то в погребальном инвентаре наблюдается несомненное сходство, несмотря на то, что инвентарь первой группы значительно беднее, чем во второй. В погребальном инвентаре Западноподольской группы имеется то же типично скифское оружие: кинжалы, копьа, бронзовые и костяные наконечники стрел, иногда с остатками колчанов, остатки железных панцирей и боевые топоры. Однако незначительность находок удил и отсутствия погребений целых лошадей наряду с широким применением их в Поднепровье заставляет задуматься над причинами такого явления. Этот типичный обычай для скифов Поднепровья почему-то не применялся или нашел слабое отражение (удила) в Западной Подолии. К сожалению, в силу недостаточности материала сейчас приходится ограничиться только постановкой этого вопроса. Предметы быта и украшения настолько сходны, что не представляется возможным выделить какие-либо особые их признаки. Те же бронзовые архаические зеркала с элементами звериного стиля, представляющие предметы ввоза из Причерноморских греческих колоний; такие же бронзовые булавки с головкой в виде гвоздевидной шляпки или спирали в несколько завитков, те же бронзовые гвоздевидные серьги и привески, часто встречающиеся в Кисвщине, мелкие пастовые бусы, сотнями насаженные на нитку, и, наконец, те же костяные кнопки или пуговицы в виде гвоздиков. Проникают в Западную Подолию и большие бронзовые котлы скифского типа, очень мало отличающиеся от котлов степной полосы.

Особое внимание привлекает керамика, типичная для Среднеднепровской группы, в виде обычных примостенных горшков с налечным пояском, с защитным орнаментом, больших сосудов или так называемых урн с выпуклыми боками в нижней части сосуда и налечными валиками на поверхности, чарок или черпаков (по Сулимирскому), особенно часто встречающихся в Тясьминской группе курганов Киевщины, и, наконец, глиняные мисы и каменные блюда. Западноподольскую керамику сближает с киевской также лощение поверхности, особенно больших с выпуклыми боками сосудов и чарок, и применение примеси в глине. Однако Сулимирский справедливо отмечает некоторые особенности в керамике Западной Подолии по сравнению с керамикой киевской. Прежде всего это различие относится к чаркам. Чарки Западной Подолии имеют резко профилированные стенки и ручку, заканчивающуюся часто как бы расширяющейся лопаточкой или гребнем. Они не имеют никакого орнамента, тогда как чарки Киевщины в большинстве случаев имеют красивый орнамент, заполненный белой пастой. Отмечая местное происхождение чарок, Сулимирский объясняет особенности чарок Западной Подолии влиянием на нее культур Высоцкой и Гальштаттской, которое проявляется и на других видах керамики, особенно на больших сосудах типа урн. Наличие предметов греческого производства, особенно зеркал в их ранних формах, указывает на ранние связи Западной Подолии с греческими Причерноморскими колониями. При этом, если в раннескифское время эти связи ощущаются довольно сильно, то позднее они почти незаметны. Обращает на себя внимание факт почти полного отсутствия греческой керамики в течение всего времени существования Западноподольской культуры. Таким образом, Сулимирский с полным основанием видел несомненную близость и сходство в инвентаре Западноподольской, Киевской и других курганных групп, вызванное, вероятно, широким культурным общением. Более того, приоритет этих связей и влияния он отводил Киевской скифской культуре, наиболее резко проявившейся в погребальном инвентаре Западной Подолии.

Как мы видим, скифские курганные могильники Западной Подолии расположены на высоких местах небольшими группами в 3—4 кургана, стоящими обособленно от могильников доскифского времени. Это отличает их от Киевской курганной группы, где могильники состоят из десятков и сотен курганов и включают курганы предшествующей эпохи.

Западноподольские курганы преимущественно невысокие и редко встречаются выше двух метров. Основной особенностью погребальных сооружений являются сооружения в виде каменных кругов — крепид, иногда двойных, а также каменных обкладок, ящиков и т. п. Применение каменных сооружений наблюдается еще в доскифское время, чем доказывается их генетическая связь. Если сооружения из камня имеют место в Нижнем Поднепровье, то в Среднем Поднепровье они совершенно отсутствуют или встречаются очень редко. Между тем в Среднеднепровской группе курганов весьма широкое распространение приобретает тип деревянных погребальных сооружений, встречаемых и в Немировской культуре, но совершенно отсутствующих в Западноподольской группе.

В погребальном обряде ясно выделяются две особенности погребений с трупосожжением, заключающиеся в том, что в раннескифское время погребение остатков сожжения производится на месте сожжения и редко наблюдается такое явление, когда остатки сожжения собираются в кучу или складываются в урну, тогда как в позднескифское время сожжение производится вне места погребения и, как правило, остатки сожжения вместе с инвентарем складываются в кучу или в урну посередине могильной площадки или ямы. Стало быть, формы обряда трупосожжения весьма родственны формам трупосожжения Киевщины, а их последовательное развитие может служить подготовкой к обряду «полей погребений».

Отмечая много общих черт в погребальном инвентаре Западноподольской и Киевской курганных групп, Сулимирский видит и некоторые особенности его, объясняющиеся влиянием окружающих культур. Но спрашивается, к каким же основным выводам приходит Сулимирский относительно возникновения скифской культуры Западной Подолии? Основываясь на том, что небольшие скифские курганные могильники стоят обособленно от могильников нескифских и что богатый погребальный инвентарь скифских погребений отличается от инвентаря нескифских погребений, Сулимирский утверждает, что эти курганы не принадлежат местному оседлому населению, бытовавшему здесь издавна. Их надо относить к пришлому скифскому господствующему слою. Этот господствующий слой пришел сюда в VI в. до н. э., подчинил себе местное фракийское население и пробыл здесь, по крайней мере, в течение 500 лет, начиная с конца VI в. по II в. до н. э. Преемственность погребальных сооружений и погребального обряда с трупосожжением доскифского времени объясняется тем, что пришедшее сюда скифское население восприняло погребальные обряды у местного населения. Признавая существование местных доскифских форм инвентаря наряду с непосредственно скифскими формами, а равно и элементы ранних соседних культур, Высоцкой, Гальштаттской и в позднее время — Кельтской, Сулимирский видит в господствующих скифских формах инвентаря Западной Подолии органическую связь со скифской культурой Киевщины и Полтавщины. Западноподольская скифская культура якобы принесена скифской господствующей верхушкой из «украинского центра». Здесь она развивалась в течение 500 лет, пройдя в своем развитии ранний этап в пределах VI—V вв. до н. э. и поздний — IV—II вв. до н. э., различающиеся по погребальному инвентарю и обряду. Исчезновение этой культуры во II в. до н. э. объясняется уходом господствующей скифской верхушки (куда — автор не указывает), совершающимся под нажимом новых воинственных племен Пшеворской культуры, хотя и в этом случае местное оседлое население не исчезает; оно остается и сливается с новыми пришельцами.

Такова характеристика Западноподольской курганной группы и общие относительно нее выводы Сулимирского. Эта характеристика позволяет видеть в Западноподольской группе курганов значительное своеобразие, отличающее ее от Среднеднепровской курганной группы, но вместе с тем и значительное их сходство в культурном об-

лике, приведшее автора к построению определенной схемы возникновения, развития и исчезновения этой культуры. Хотя автор и не говорит об этнической ее принадлежности, однако из его выводов можно уловить несомненное скифское происхождение, связанное со Среднеднепровским центром. Соглашаясь в основном с характеристикой этой группы, мы не можем согласиться с основными выводами автора, касающимися возникновения и исчезновения этой культуры. Прежде всего мало вероятным представляется утверждение Сулимирского о пришлом характере господствующей верхушки скифского общества в Западную Подолию и подчинении ею местного населения; оно сделано на основании малочисленности курганов в курганных могильниках, но небольшие размеры курганов и курганных могильников могут объясняться, с одной стороны, отсутствием обычая создавать большие курганы, с другой — оставшиеся более или менее значительные курганы в прошлом могли быть окружены многими мелкими курганами, позднее исчезнувшими в результате деятельности человека и природы. Этот последний факт подтверждается примерами многочисленных скифских могильников степной и лесостепной полосы Северного Причерноморья, состоявших из крупных и из мелких курганов, частично исчезнувших уже с лица земли совсем или сохранившихся лишь в виде светлых пятен. Более того, трудно согласиться с тем, что скифское население, представляющее господствующую верхушку общества, за 500 лет пребывания здесь могло оставить такое незначительное количество погребальных памятников, как и нельзя допустить, чтобы пришлое население, малочисленное по своему составу, могло держать в подчинении местное коренное население. Чтобы выполнить такую задачу, если и допустить такой факт, господствующая верхушка должна быть не только значительной, но и окружена многочисленными родичами своего племени, без которых вряд ли мыслимо удержать в подчинении местное население на долгое время.

Это в свою очередь предполагает и создание многочисленных курганов. Исходя из этих предположений, вероятнее всего считать, что в своеобразии этих памятников скрываются глубокие корни местной культуры со специфическими племенными особенностями и многими родственными культурными элементами, возникшими в результате многовековых взаимоотношений племен Восточной и Средней Европы, на стыке которых жило и развивалось одно из племен этой части территории.

Конечно, возможно и закономерно допущение мысли о том, что пришельцы могли принять местные погребальные обряды и обычаи, но, однако, в них должны были бы сказаться, по крайней мере на первых порах, обряды и обычаи самих пришельцев. Возможно допустить, чтобы сразу же с завоеванием территории пришельцы перешли к соблюдению местных обрядов и обычаев, не оставив никаких следов своих обрядов и обычаев, скажем, деревянных сооружений, если, как предполагает Сулимирский, завоеватели пришли из среднего Поднепровья. Известно, что памятники Журовской курганной группы, благодаря своеобразию которой А. А. Спицын ввел термин «Журовская культура», появившиеся в VI в. до н. э. на берегах р. Турьи, представляют собой более высокий вариант культуры, бытовавшей по берегам р. Тясмина и ее притоков в более раннее время. Здесь столбовые деревянные погребальные сооружения совершенствуются по сравнению с более ранними деревянными сооружениями Тясминской группы. Если приходится согласиться с А. А. Спицыным в том, что Журовская группа появилась здесь в VI в. до н. э., чему археологический материал не противоречит, то можно признать, что эта группа представляет производной от группы Тясминской. Ничего подобного нельзя сказать относительно Западноподольской группы. Здесь нет погребальных сооружений Среднеднепровского типа. Более того, скифские погребальные сооружения этой группы, даже по утверждению самого Сулимирского, имеют непосредственную связь с местными погребальными сооружениями доскифского времени.

Чем же объясняется предел существования скифской культуры в Западной Подолии не далее II в. до н. э.? И чем вызваны те изменения, которые знаменуют появление здесь культуры «полей погребений»? Попытки Сулимирского объяснить это явление приходом новых племен так называемой Пшеворской культуры и изгнанием ими

отсюда скифов мало убедительны. Дело в том, что такой переход от типично скифской культуры к культуре «полей погребений» во II в. до н. э. наблюдается на широкой территории и в том числе в Среднем Поднепровье, где засвидетельствованы ранние могильники «полей погребений», такие как Корчеватое, Зарубинцы, датруемые II в. до н. э. В это время и в Западной Подолии и в Среднем Поднепровье наблюдается исчезновение подкурганых погребений и появление «полей погребений» вместе с развитием трупосожжения как господствующей формы погребального обряда. Изучение погребального обряда с трупосожжением в Киевщине на весьма значительном материале в скифское и послескифское время, т. е. в эпоху «полей погребений», привело нас к выводу о том, что это изменение погребальных сооружений и погребального обряда происходит не столько на основе смены этнической, сколько в результате внутреннего процесса экономического развития в пределах одних и тех же этнических элементов. Об этом свидетельствует родственность погребального инвентаря и погребального обряда «полей погребений» с инвентарем и элементами погребального обряда скифского времени. Следовательно, можно предполагать, что и в Западной Подолии происходил тот же процесс развития, и резкое изменение в погребальном обряде не обязательно связано со сменой населения.

Наконец, можно согласиться с тем, что в инвентаре Западной Подолии и Среднего Поднепровья наблюдается значительное сходство. Такое сходство позволяет считать Западноподольскую группу памятников скифской группой. Вероятно, Сулимирский прав, когда говорит, что центр Западноподольской группы надо искать в Поднепровье, особенно в Среднем Поднепровье. Стало быть, можно предполагать, что культура Западноподольской группы курганов представляет собой культуру самой западной окраины Скифии, далее которой скифская культура, кроме отдельных находок, не распространяется. Вероятно, этим можно объяснить и тот факт, что Западноподольская культура сосредоточивает в себе элементы разных культурных влияний при несомненном преобладании элементов среднеднепровских, доказывающих если и не этническую, то, в всяком случае, культурную близость. Мы не будем настаивать, вслед за Сулимирским, на ведущей роли культуры скифских племен Среднего Поднепровья среди других племен лесостепной полосы. Однако их значительное место в связях с внешним миром не вызывает сомнений. Напомним ранние связи Среднего Поднепровья с Кавказом и Закавказьем, выражающиеся в проникновении значительного количества кавказских и закавказских вещей в Киевщину и обратно. Таковы, например, бронзовые удила Кобанского типа и другие предметы украшений и быта, часто встречающиеся в Киевщине и не попадающие в Западную Подолию. Укажем также на встречу удила Кобанского типа с предметами гальштатского типа в Залевкинском кладе¹. С Запада, повидимому через Подолию или другим путем, в раннескифское время в Киевщину проникают предметы гальштатского типа (?) в виде бронзовых шпилек, гвоздевидных серег и височных украшений, гальштаттообразные типы сосудов и т. д. Это означает, что Киевщина в раннескифское время была территорией, через которую шли пути с Востока на Запад и обратно, огибая степные просторы Северного Причерноморья.

Нам остается ответить на вопрос, поставленный вначале, а именно: где находилась территория скифов-пахарей? Прав ли в этом вопросе Геродот и большинство современных историков и археологов или действительно необходимо на карту геродотовской Скифии внести исправления в духе утверждений М. И. Артамонова? Думается, что все вышесказанное позволяет настаивать на первой локализации «скифов-пахарей» и отказаться от второй. Особенно серьезным основанием для такого утверждения является тот факт, что предметы греческого производства, как результат торговых связей Западной Подолии с греческими колониями, отмечаются только в VI в. до н. э., т. е. в догеродотовское время, а в непосредственно геродотовское и более позднее время эти связи почти совершенно не чувствуются. Казалось бы, следуя указанию Геро-

¹ П. Третьяков, Про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі и Тясмину, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, стр. 238, рис. 7. -

дота о том, что скифы-пахари производили хлеб на продажу, мы должны были бы находить результаты этой торговли и, прежде всего, предметы, которые получались за хлеб от его покупателей, надо полагать, прежде всего, греческих. Но этих-то предметов в Западной Подолии мы как раз и не встречаем. Напротив, в Киевщине — в Тясьминской, Каневской и тем более в Журовской группах такие памятники представлены весьма обильно. Греческие предметы здесь, так же как и в Немировском городище, встречаются уже начиная с VII в. до н. э.; их количество увеличивается в VI в. и особенно много встречается в V в. до н. э. и позднее, т. е. как раз в геродотовское время. Интересно, что и торговые пути из Ольвии ведут не на Днестр и Западную Подолию, а в междуречье Днепра и Южного Буга. Достаточно указать, что один из левых, а не правых, — притоков Южного Буга назывался по-скифски «Эксампай»; он был южной границей «скифов-пахарей» и по-эллински назывался «Священные пути», что указывает на связь греческих купцов именно с местным населением междуречья Днепра и Южного Буга. Эта река «Эксампай» — «Священные пути», в современном названии, вероятно, река Синюха, как отмечает это и сам М. И. Артамонов, с одной стороны, своими притоками — Высью и Турьей ведет непосредственно к Журовской и Тясьминской курганным группам, с другой — к Рыжановской и Киевской и другим группам Киевщины. Весьма возможно, что эти пути могли служить торговыми связями с Полтавщиной и другими более восточными районами.

Таким образом, письменные источники и археологические памятники делают наиболее вероятным предположение, что основная территория скифов-пахарей лежала к западу от Днепра и по течению Южного Буга, в последнем случае, повидимому, в пределах так называемой Немировской культуры, в настоящее время слабо исследованной, но имеющей много общих черт с культурой Среднеднепровской.

П. Д. Либеров

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АНТИЧНОСТИ

В 1922 году, намечая задачи работ молодого Туркестанского государственного университета по изучению Средней Азии, академик В. В. Бартольд указал на необходимость проведения специального исследования архитектурных памятников. Намеченный к составлению альбом сохранившихся построек он предлагал начать в хронологическом порядке с мавзолея Саманидов в Бухаре (IX—X вв.), как самого раннего¹.

С тех пор советскими учеными выявлено огромное, исчисляемое сотнями, число памятников древней архитектуры — наземных или же погребенных в толщах культурных напластований. Открытые, в подавляющем большинстве случаев, в связи с работами крупных археологических экспедиций, эти памятники сразу же получили четкие хронологические даты. Отныне составление сводного корпуса по архитектурным памятникам Средней Азии можно было бы начать не с эпохи Саманидов, но по меньшей мере на полтора тысячелетия от нее назад.

Однако следует признать, что если в отношении памятников развитой феодальной архитектуры мы вправе констатировать большие успехи, то изучение архитектуры более древнего времени значительно отстало. Основные достижения здесь в большей мере принадлежат археологам и в несравненно меньшей степени историкам архитектуры. Работы последних дают в лучшем случае формальное описание какого-либо отдельного архитектурного объекта, реже — группы объектов. Однако материал настолько обширен, что можно уже перейти от этих частных описаний к более широким

¹ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, Изв. РАИИМК, т. II, № 1, 1922, стр. 20—21.